

ИСТОРИЯ РОССИИ

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ВОПРОСА В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА В ОТРАЖЕНИИ НЕДВОРЯНСКИХ ПРОЕКТОВ И СЛУХОВ

Д. В. Тимофеев

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

В рамках исследования истории поиска вариантов решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX в. проведен сравнительный анализ проекта санкт-петербургского купца А. Ольхина, анонимного прошения от «бедных рабов господских» и распространяемых в различных губерниях Российской империи слухов о возможном освобождении крепостных крестьян. В результате выявлены основные «сценарии» упразднения личной зависимости крестьян и особенности ожиданий недворянской части российского общества по вопросу о том, кто может быть инициатором освобождения, каким образом необходимо компенсировать потери помещикам и какие последствия может оказать предоставление свободы крепостным людям. В заключительной части констатируется общность представлений о доминирующей роли верховной власти в решении данного вопроса и стремление торгово-промышленных кругов коммерциализировать процесс освобождения с целью перераспределения рабочей силы от помещиков к экономически активным группам российского общества.

Ключевые слова: *крепостной вопрос в России, купеческие проекты отмены крепостного права, слухи, свобода, собственность.*

Крепостной вопрос в России начала XIX в. не ограничивался признанием необходимости личного освобождения частновладельческих крестьян, а составлял целый комплекс взаимосвязанных проблем, решение которых в большей или меньшей степени затрагивало все категории населения. Соблюдение права собственности помещиков на принадлежащие им имущества в контексте возможного снижения их доходности и рыночной стоимости; условия предоставления крестьянам земельных участков и иных сельскохозяйственных угодий; необходимость обеспечения своевременного сбора подушной подати, различных пошлин и платежей после освобождения крестьян; корректировка и обновление законодательства, определяющего порядок перехода крепостных крестьян и дворовых людей в другие «состояния»; опасения усиления конкуренции с торгующими крестьянами городских ремесленников и купечества; проблема обеспечения рабочей силой фабрик и заводов; отсутствие структур способных осуществлять контроль и «попечение» за освобожденными крестьянами; низкий уровень «просвещения» крестьянства и вероятность роста преступности – все эти вопросы оказывали непосредственное влияние на характер размышлений о возможных вариантах решения крепостной проблемы. Конечно, на рубеже XVIII – первой четверти XIX вв. весь спектр обозначенных

вопросов не всегда воспринимался как система взаимосвязанных сюжетов в сознании одного индивида. В условиях социокультурного неравенства российских подданных неизбежно происходило фрагментирование крепостного вопроса в зависимости от уровня образования, наличия недвижимой собственности, характера профессиональной деятельности, особенностей правового статуса и доступности информации о положении в стране. Но даже в таком фрагментированном состоянии он был актуален не только для дворянства и крестьянства, как основных субъектов возможных преобразований, но для представителей других социальных групп. Повышению интереса к крепостному вопросу способствовали законодательные акты, определявшие круг лиц, обладавших правом собственности на землю и порядок перехода крепостных в «свободные состояния» (например, указ 12 декабря 1801 г., предоставлявший право покупки ненаселенных земель лицами недворянского происхождения; указ от 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах»), журнальные публикации о безнравственности «рабства» в различных странах мира, а также слухи о возможном освобождении крестьян.

Убедительным доказательством актуальности крепостного вопроса в российском обществе первой четверти XIX в. являются многочисленные проекты, авторами которых были представите-

лями различных сословных групп. К сожалению, на сегодняшний день внимание исследователей, чаще всего, сконцентрировано на изучении дворянских проектов [Долгих: 2004; Долгих: 2006; Долгих: 2016]. Такое положение обусловлено, прежде всего, их количественным доминированием над аналогичными текстами, созданными лицами недворянского происхождения и высокой степенью сохранности сопроводительных материалов, с помощью которых можно установить авторство, историю создания и рассмотрения проекта. Но при всей значимости и многогранности содержания дворянских проектов, реконструкция всего спектра вариантов решения крепостного вопроса невозможна без обращения к предложениям купечества, а также циркулировавшим в городской среде слухам о возможных сценариях освобождения крепостных крестьян в России.

Разнородность обстоятельств появления, содержания и способов фиксации ожиданий недворянского населения – от проектов, подаваемых на имя императора или министра внутренних дел, до следственных материалов «Комитета охранения общей безопасности» по делам о распространении «опасных для государства слухов» – обуславливает целесообразность проведения сравнительного анализа недворянских сценариев решения крестьянского вопроса. Содержание проектов и разнообразных слухов о «свободе» крепостных людей было сопоставлено по пяти информационным блокам: обоснование необходимости изменения существующего положения; кто может/должен быть инициатором освобождения; необходимо ли компенсировать помещику снижение доходности и рыночной стоимости имения; каким образом представлен вопрос о наделении крестьян землей; какие последствия ожидали современники от упразднения личной зависимости крестьян.

* * *

Одним из авторов недворянских проектов решения крепостного вопроса был записанный в купечество с 1792 г. владелец писчебумажной фабрики и медеплавильного завода, коммерции советник¹ Александр Васильевич Ольхин

¹ Почетное звание коммерции советник А. Ольхин получил одним из первых по указу 27 марта 1800 г. «Об учреждении для купечества особого отличия под названием коммерции советников». См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб, 1830. Т. XXVI. № 19.347. С. 103. Для подтверждения своей приверженности «общему благу» автор в качестве приложения к проекту представил сведения об имеющихся у него наградах и благодарностях, свидетельствовавших об успешной службе на общественных должно-

(1771–1815). В начале декабря 1807 г. он направил два письма с приложением проекта «*О дозволении крестьянам выкупать самих себя*». Одно из них было адресовано, скорее всего, министру внутренних дел, а позднее передано Н.Н. Новосильцову, а второе – Александру I. В сопроводительных письмах А. Ольхин, объясняя мотивацию, побудившую его составить проект, писал о взаимозависимости «общей пользы» и интересов отдельных индивидов: «Я всегда убежден был в том, что частные выгоды каждого неразрывно соединены с общею пользою и даже должны быть подчинены оной»². Акцентируя внимание на существовании такой взаимосвязи, он аргументировал целесообразность «дать позволение крестьянам выкупать самих себя» финансовыми интересами казны, так как сложившая практика занижения пошлин, взимаемых при заключении крепостных актов³ в масштабах всей Российской империи, по его подсчетам, приводило к «утайке пошлин» до «нескольких сот тысяч рублей»⁴. При описании «злоупотреблений», о существовании которых ему стало известно при исполнении обязанностей заседателя от купечества в Санкт-Петербургской гражданской палате, Ольхин описывал случаи указания в купчих фиктивной стоимости имения (200 руб.) и продажи дворовых людей (100 руб. – мужчины и 50 руб. женщины), в то время как, по его словам, «за сию цену давно уже и малолетних купить нельзя»⁵.

Для предотвращения подобных злоупотреблений он предложил достаточно простую схему: частновладельческие крестьяне и дворовые люди в течение установленного срока (1 год и 3 месяца соответственно) после продажи имения новому собственнику, вне зависимости от того, было ли оно «родовым» или «благоприобретенным»⁶, получали право выкупа «свободы» по цене обозначенной в купчей крепости⁷. Дарование такого права способствовало бы росту собираемости пошлин с крепостных актов, так как при фиктивном

ствах без получения жалованья, см.: РГИА, Ф. 1260. Оп. 1. Д. 400. Л. 61–64.

² РГИА, Ф. 1260. Оп. 1. Д. 400. Л. 59.

³ Размер пошлины зависел от стоимости продаваемого имения и составлял 5 коп. с 1 руб., см.: РГИА, Ф. 1260. Оп. 1. Д. 400. Л. 69.

⁴ Там же. Л. 60.

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же. Л. 70. По действовавшему законодательству дворянин имел право выкупа у нового владельца родового имения в срок не более 3 лет с момента продажи. Это правило не распространялось на пожалованные и благоприобретенные имения, а также дворовых людей, выкуп которых был запрещен.

⁷ Там же. Л. 73, 74.

занижении реальной стоимости помещик уже не мог рассчитывать на получение большей суммы, чем это указано в документах о купле-продаже имения. Однако такое утилитарно-этикетское по своей сути обоснование не раскрывало *главной цели* предлагаемых преобразований и было лишь одним из хорошо известных способов привлечения внимания высокопоставленных чиновников к очередному проекту решения крестьянского вопроса.

Внимательное сопоставление конкретных положений проекта, касающихся процедуры выкупа крестьян, прав и обязанностей всех потенциальных участников сделки, позволяет утверждать, что Ольхин хорошо представлял последствия предлагаемой меры не только для казны, но и в более широком социально-политическом и экономическом контексте. Главным достоинством предлагаемого способа освобождения, по его словам, являлось то, что он позволит «умножит елико возможно число свободных людей без всякого в умах потрясения»¹, а «состояние людей, известных под названием крепостных, будет само собою неприметно уменьшаться, не касаясь собственности помещицей, и не ослабевая прав дворянства»². Достижение такого взаимовыгодного для всех заинтересованных сторон результата возможно только в случае, если заранее прописать все детали выкупной операции, зафиксировать право крестьян на свободу и сохранить контролирующую роль местных властей за законностью производимых сделок купли-продажи имений. С этих позиций автор делает несколько важных уточнений, направленных на защиту интересов как крестьян, так и помещиков.

Одним из способов, обеспечивавших крепостным возможность освобождения, должно было стать юридическое закрепление *за крестьянами приоритетного права выкупа* даже в случае, если имение было родовым и одновременно о желании выкупить объявляли родственники предыдущего владельца³. В российских условиях увеличение числа свободных людей оценивалось автором как *более значимая цель*, нежели право потомственных дворян на сохранение/возвращение родовой собственности. Именно поэтому, понимая неравенство правового положения возможных претендентов на участие в выкупной операции, Ольхин предлагал сделать процедуру выкупа максимально публичной. Для недопущения случаев сокрытия от крестьян информации о

продаже имения нижним земским судам вменялось в обязанность, получив из соответствующих присутственных мест копию купчей крепости, незамедлительно «объявить оную всем крестьянам при общей сходке» в присутствии приходского священника и «чиновника земского суда»⁴. Не менее открыто должна была проходить процедура информирования о продаже дворовых людей: «Таковым людям должны быть чинимы извещения от Правительства с объявлением им цены за что проданы, и в слышании таковых извещений и чтении купчих крепостей брать с них подписки, а на купчей крепости делать надпись, что те люди о продаже их извещены с означением числа, месяца и года»⁵. По мысли автора, такой порядок сделает невозможным целенаправленное отстранение помещиками или связанными с ними местными чиновниками крестьян от участия в выкупной операции.

Одновременно с юридической защитой права крепостных людей на выкуп Ольхин акцентировал внимание на важности неукоснительного соблюдения права собственности помещиков. Многократно употребляя в сопроводительных письмах и основном тексте проекта понятие «собственность», он использовал ключевые для понимания идейной направленности всего документа словосочетания: «священное право собственности», «законная собственность», «право располагать собственностью»⁶. Для него, как и для многих его современников, сложность решения крепостного вопроса состояла в отождествлении крестьян с частью принадлежащей помещику собственности, а следовательно, и с неизбежным снижением стоимости имений в случае перехода крестьян на другие земли или в «новое неземледельческое состояние».

Признание современниками взаимозависимости между свободой крестьян и собственностью помещика, как правило, актуализировало два вопроса. Первый состоял в поиске способов «справедливой компенсации» финансовых потерь помещикам, а второй, логически вытекающий из первого, был следствием понимания отсутствия у крепостных людей необходимых для выкупа денежных ресурсов. В представленном проекте Ольхин предложил свой вариант ответа на эти вопросы.

Размышляя о необходимости компенсации собственникам, он предложил общее правило и для дворян, заявлявших о намерении выкупить

¹ Там же. Л. 66.

² Там же. Л. 75.

³ Там же. Л. 73.

⁴ Там же. Л. 73.

⁵ Там же. Л. 74.

⁶ Там же. Л. 6, 61

проданное ранее родовое имение, и для крестьян, желавших выкупить «свободу из помещичьего владения»: «Справедливость требует, чтобы, как выкупающийся в роде, так и крестьяне сами себя выкупающие, заплатили покупщику десять процентов возмездия сверх объявленной в купчей крепости цены за могущия быть ему убытки, и сверх того весь сбор и доход с вотчин во время владения... принадлежать ему долженствует»¹. С небольшим уточнением данное правило действовало и в отношении условий выкупа дворовых людей, которые должны были заплатить указанную в купчей крепости сумму, 10 % «возмездия», стоимость гербовой бумаги, используемой для оформления документов, государственную пошлину и «двухгодовую подушную подать»².

Следует отметить, что сама по себе идея денежной компенсации помещику всех возможных убытков достаточно часто встречается в проектах решения крестьянского вопроса. Оригинальность предложения Ольхина заключалась в том, что помещик *не мог отказаться* от продажи имения и освобождения крестьян. Очевидно, что реализация подобной схемы была возможна только в случае наличия у крестьян необходимых денежных средств. Понимая это, автор на протяжении всего текста неоднократно возвращался к вопросу об источниках финансирования выкупной операции и обозначил *три основных сценария* его решения.

Первый предусматривал *самовыкуп* крестьян за счет собственных средств и мог быть реализован зажиточными крестьянами, которые до сих пор, «получа от предков своих или родственников, состояние, не смеют казать оно, боясь, чтобы помещик не отнял»³. Возможность легализовать имевшиеся накопления способствовала бы консолидации крестьян и формированию устойчивой мотивации к активному поиску необходимых для выкупа денежных средств. *Второй вариант* – с небольшими, но существенными дополнениями воспроизводил «*договорной сценарий освобождения*, общий алгоритм которого был прописан в указе 20 февраля 1803 г. По проекту Ольхина в дополнение к уже установленным ранее правилам⁴, участниками, заключенного по взаимному согласию договора мог быть не только крестьянин, дворовой человек и помещик, но

и так называемые «сторонние лица», которые выплачивали за крестьянина установленную в купчей крепости сумму и все дополнительные платежи»⁵.

Последнее обстоятельство является принципиально важным для ответа на вопрос о том, кто должен был быть инициатором освобождения, и какие социальные ожидания возникали у автора проекта. Предполагаемое участие в выкупной операции третьих лиц, которыми, по всей вероятности, должны были быть как потомственные, так личные дворяне (формально не имевшее права владения крепостными), финансово состоятельные мещане и купцы, фабриканты или заводчики, позволяло быстро привлечь необходимые денежные средства и существенно ускорить процесс личного освобождения крестьян в России. Таким образом, инициаторами освобождения могли быть или сами крестьяне, или любой свободный человек, обладавший необходимыми финансовыми ресурсами и выразивший готовность выкупить имение и крестьян.

Примечательно, что Ольхин практически не затрагивает вопрос о возможных побудительных мотивах участия третьих лиц в выкупной операции. В тексте есть лишь одно упоминание о родственниках крестьян, чье желание помочь обрести свободу представлено как не требующее дополнительных объяснений и понятное каждому человеку стремление, и еще одна, используемая в сослагательном наклонении, фраза: «<...> иногда благотворительные люди, которые <...> по продаже таких людей внесут за них деньги новому помещику»⁶. В такой формулировке мотивация участия в выкупной операции сводилась к заботе о родственниках, чувству сострадания несчастным, или стремлению показать свою приверженность идеалам «просвещенного века», провозглашавших «естественную свободу» одной из фундаментальных основ любого человеческого общества. Но и первый (родственниками), и второй («благотворительными людьми») вариант, как отмечал автор проекта, мог быть реализован лишь «иногда» при благоприятном стечении обстоятельств, а следовательно, не мог иметь широкого распространения.

Основная же модель договорного *сценария* выкупа – вариант с использованием финансовых ресурсов третьих лиц, которые вкладывали свои деньги, руководствуясь не только морально-этическими соображениями или общетеоретическим рассуждениями о «естественном» праве, а более

¹ Там же. Л. 73.

² Там же. Л. 74.

³ Там же. Л. 76.

⁴ Правила, постановленные по мнению Государственного Совета в руководство Министру Внутренних дел, при рассмотрении условий между помещиками и крестьянами, по Указу Февраля 20 дня, 1803 года // Санктпетербургский журнал. 1804. № 6, июнь. С. 11–16.

⁵ РГИА, Ф. 1260. Оп. 1. Д. 400. Л. 73, 75.

⁶ Там же. Л. 76.

прагматичными категориями. Такой вывод позволяет сделать упоминание в проекте о целесообразности составления особых контрактов, а следовательно, возникновения между бывшими крепостными и людьми, заплатившими за их освобождение определенных финансовых обязательств. Не раскрывая содержание подобных контрактов, Ольхин подчеркивал, что крестьяне и дворовые люди, зная о потенциальной возможности «внешнего» выкупа из крепостной зависимости еще до освобождения, проявят заинтересованность и будут стараться зарекомендовать себя как хорошие работники. В результате «нравственность в дворовых людях должна притти в высшую степень совершенства, прилежание к труду умножится потому, что многие из них будут надеяться при случиться могущей быть продаже их, сыскать посторонних людей, которые бы зная их доброе поведение заплатили за них помещику деньги»¹. Таким образом автор, предполагая возможную реакцию крестьян, косвенно обозначал и принципиально важный для потенциальных выкупщиков показатель – освобождаемые ими крепостные люди должны быть людьми законопослушными² и «прилежными к труду».

Очевидно, что подобный критерий отбора имел значение в случае, если выкупщик намерен привлекать освобожденных им крестьян и дворовых людей к выполнению каких-либо работ. С этих позиций, предлагаемый вариант «внешнего» выкупа крестьян на свободу становился бы законным способом приобретения рабочей силы для тех, кто стремился к расширению производства, но не имел соответствующих юридических оснований на покупку крепостных крестьян. Но в отличие от купли-продажи лицами дворянского происхождения, подразумевалось не покупка «населенных земель» или «крещенной собственности», а перевод бывших крестьян на договорные отношения с «выкупщиком». Все это свидетельствует о стремлении автора предложить мягкий вариант перераспределения рабочей силы от дворян-помещиков в управление представителям других экономически активных групп населения.

В заключительной части проекта утверждалось, что предлагаемый вариант освобождения имел бы, безусловно, позитивные последствия как для государства, так и для экономического развития страны в целом. Вновь используя сугубо утилитарную аргументацию он утверждал: «При-

¹ Там же. Л. 76.

² Для дворовых людей данный критерий был прописан более жестко: «Изобличенным по судебным приговорам в краже и прочих преступлениях самих себя выкупать не позволять», см.: Там же. Л. 75.

умножение Государственного дохода будет состоять не только от одной не утайки пошлинного сбора, но несравненно более от того, что получающая чрез выкуп вольность должны записываться в новый род состояния и платить несравненно превосходнейшия против крестьянского состояния подати»³, и одновременно, заявлял об «оживлении и распространении промышленности»⁴, как неизбежном следствии личного освобождения крестьян. Подобного эффекта, по его мнению, следовало ожидать, так как бывшие крепостные и дворовые люди, вне зависимости от того в какое новое состояние они будут записаны после завершения выкупной операции, «будут иметь сильное побуждение к открытию и усовершенствованию своих способностей для приобретения себе собственности»⁵. Таким образом, освобождение крестьян в России должно было произойти постепенно при активном участии и по инициативе самих крестьян, или лиц заинтересованных в получении свободных рабочей силы, а отдаленным его следствием было бы увеличение количества граждан обладавших собственностью.

Несколько иной и по темпам, и по способу освобождения сценарий прослеживается при анализе циркулировавших в городской среде слухов о перспективе освобождения крепостных крестьян. Поскольку культурные механизмы распространения слухов не предполагают каких-либо сословных или внутрисословных перегородок, их содержание достаточно быстро становилось известным не только в среде городских низов, но и местному чиновничеству, а и даже губернским властям.

Наиболее распространенными были *два основных варианта*. Первый – сценарий внешнего освобождения, который возник с начала наполеоновских войн и существовал до момента, когда поражение войска французского императора стало очевидным фактом. Содержательно он предполагал, что свобода крестьянам будет дана не российскими властями или помещиками, а в результате действий Наполеона. Основанием для появления сценария «внешнего освобождения» была информация об изменении положения крестьян на занятых французами территориях. Действительно, в созданном под протекторатом Наполеона и формально возглавляемом королем Фридрихом-Августом Герцогстве Варшавском,

³ Там же. Л. 76.

⁴ В исследуемый период времени понятие «промышленность» означало всю совокупность хозяйственной деятельности, вне зависимости от вида производимой продукции и масштаба производства.

⁵ РГИА, Ф. 1260. Оп. 1. Д. 400. Л. 76.

крестьянам было «дарована» личная свобода. И хотя они не получили права собственности на земельные участки, российские крестьяне, не имея достоверной информации о действительном положении дел, проецировали возможность освобождения и на российскую территорию. Именно такие настроения зафиксированы материалах учрежденного 13 января 1807 г. особого «Комитета охранения общей безопасности». В доносе губернского секретаря Г. Колеухова сообщалось, что крестьянин Афанасий Артемьев «открыл ему <...>, что де слухи происходят, яко французы заверяют чернь, что их в продолжающейся ныне войне не будут нисколько трогать, а только де будут истреблять господ помещиков, дабы облегчить чернь от притеснения и сделать одного государя, а то де в России оных много»¹. Не менее показательны материалы следствия по делу «о недозволенных речах» кучера надворного советника Тузова А. Корнилова, который также распространял слухи о том, что «француз хочет взять Россию и сделать всех вольными», а Наполеон в письме к Александру I, потребовал, «чтоб освободил всех крепостных», а иначе «война будет всегда»². Аналогичные ожидания возникали весной 1812 г. и в центральных губерниях Российской империи. Так, например, в марте 1812 г. были задержаны дворовые люди Афанасий Медведев и Петр Иванов за распространение слухов, о том, что «Москву возьмут французы» и «скоро все будут вольными, а помещики ж будут на жаловании»³.

Второй тип сценария был ориентирован на освобождение крестьян по инициативе *российского императора*. Особенно отчетливо ожидания освобождения крестьян по прямому указанию государя проявились весной 1815 г. В одном из секретных донесений из Москвы сообщалось: «Мужики беспрестанно твердят, что они вольные и многие из деревень выезжают»⁴. Причиной такого поведения были слухи об издании императором манифеста об освобождении крепостных крестьян. Аналогичная ситуация сложилась и в Новгородской губернии, где по сообщениям местных властей «некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание не идут, причина тому, <...> что будто будет воля», объявление которой они «с часу на час дожидают»⁵.

В распространении слухов участвовали не только крестьяне и дворовые люди, но и предста-

вители так называемых «свободных состояний». Своеобразным отражением этого процесса является дело по доносу коллежского регистратора Нижегородского земского суда И. Николаева. Весной 1815 г. он сообщил властям, что капитан гарнизонного батальона Любанский «привез известие о даровании всем помещичьим крестьянам вольности...», о чем, по его словам, был и «Манифест читан в Санктпетербургском Казанском соборе»⁶. Через несколько дней после этого А. Дмитриев «рассказал сию новость недавно определенному в Казенную палату приказному», который, в свою очередь, поделился информацией с несколькими своими коллегами по службе. В результате местные власти вынуждены были констатировать: чиновники казенной палаты «пустили означенные слухи далее так, что теперь весь город ими преисполнен, и подан способ в некоторых господских домах даже дворовым людям выводить из сего разные толки, могущия послужить нарушениям спокойствия»⁷.

Содержательно ожидания освобождения по инициативе верховной власти сопровождались слухами о возможном *переводе крепостных крестьян и дворовых людей в разряд государственных крестьян*. Такой сценарий «освобождения от рабства» подразумевал переход на свободные государственные земли, а следовательно, исключение крестьян из числа владения помещиков и лишение их права наказывать поселян за незначительные правонарушения. Так, например, сын придворного истопника Гавриила Антонов в апреле 1812 г., представляясь придворным офицером, требовал продавать ему рыбу дешевле, «ибо он объявит радостную весть, что по возвращении Государя, все крестьяне будут государственные»⁸. В некоторых случаях утверждалось, что подобное намерение императора неизбежно должно было вызывать ожесточенное сопротивление дворянства. Так, например, в результате расследования по доносу И. Николаева стало известно, что канцелярист Нижегородского земского суда Л. Снежицкий, «пришедши в суд, пересказывал за новость слышанное им от неизвестного проезжавшего из Санктпетербурга человека о покушении дворянства на жизнь Его Императорского Величества за намерение отобрать от всех их крестьян в казенное ведомство»⁹. Таким образом, на уровне слухов воспроизводилась мифологема доброго царя-защитника народа, который, несмотря

¹ РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 18. Л. 7–8.

² РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1807. Д. 4. Л. 1, 13.

³ РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1812. Д. 1. Л. 1–2.

⁴ РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1815. Д. 2. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 4–4 об.

⁶ Там же. Л. 2–3.

⁷ Там же.

⁸ РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1812. Д. 4. Л. 1.

⁹ РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI., 1815. Д. 2. Л. 1–2.

на нежелание дворянства освобождать крестьян, готов идти на открытый конфликт с помещиками.

Однако «конфликтный» сценарий решений крестьянского вопроса не являлся доминирующим. Более распространенным был вариант освобождения, который смягчал возможные противоречия и предполагал государственную компенсацию помещикам в денежной форме всех потерь от утраты находившихся в их распоряжении крестьян. Идея о необходимости выплаты денежной компенсации была достаточно популярна и прослеживается не только в донесениях о распространении представителями «нижних состояний» слухов, но и текстах анонимных всеподданнейших прошений.

Интересным примером такого документа является анонимное прошение, составленное весной 1807 г. при активном участии коллежского секретаря Федора Дунаева, дворовыми людьми графа А.И. Безбородко – Иваном, Осипом и Гордеем. От лица «бедных рабов господских» императору сообщалось, что крестьяне пришли в «отчаяние, и вскоре сделается бунт»¹, для предотвращения которого авторы предлагали наиболее приемлемый, с их точки зрения, вариант освобождения: «Даруйте вы господам нашим денежную сумму и положите им большое жалованье и пенсию, чтоб больше не было у них нас...»². В такой трактовке необходимость отмены личной зависимости крестьян преподносилась как акт доброй воли и человеческого сострадания к несчастным людям, которые в силу сложившейся традиции оказались в подневольном, «рабском» положении. Надежда на восстановление справедливости возлагалась на монарха, который, с точки зрения авторов текста, безусловно обладал необходимыми финансовыми ресурсами для решения вопроса о денежной компенсации помещикам. При этом, как и в случае с распространяемыми слухами о переводе всех крестьян в разряд государственных, вопрос о наделении правом собственности на землю принципиально не актуализировался. С одной стороны, отсутствие данного сюжета обусловлено природой слухов, которые практически никогда не содержат конкретной информации о практической реализации ожидаемых событий, а с другой – отражает патерналистские представ-

ления о функциях государя, который, иницируя переход крестьян в разряд государственных, позаботится о наделении их необходимым количеством пашенной земли.

В целом сравнительный анализ содержания недворянских проектов освобождения крестьян, слухов и анонимных прошений позволяет утверждать, что, вне зависимости от того, объявит ли о даровании «свободы» российский император, или она будет предоставлена в результате внешнего завоевания, крестьянин не испытывал иллюзий в отношении помещиков и не ожидал, что инициатором отмены «рабства» может стать их законный владелец. Скептическое отношение к возможности ликвидации личной зависимости крестьян по инициативе помещиков характерно и для недворянских проектов, но в отличие от слухов, они были не только более конкретны, но нередко направлены на коммерциализацию крепостного вопроса посредством предоставления возможности наиболее состоятельным российским подданным участвовать в процедуре выкупа крестьян или приобретения права собственности на населенные земли. Аргументируя необходимость постепенного «размывания» монопольного права потомственного дворянства на обладание крепостными людьми, авторы подобного рода проектов использовали либеральные по своей направленности концепты («свобода», «собственность», «закон») и одновременно подчеркивали важность сохранения жесткого контроля со стороны государства за исполнением крестьянами всех обязательств по отношению к тем, кто выразил готовность способствовать их освобождению. Таким образом, как на формально-юридическом уровне, так и на уровне ожиданий населения, центральным субъектом, от действий которого зависело решение крепостной проблемы, был российский император. Дополнительным же фактором, существенно осложнявшим ситуацию, были ожидания Александра I, надеявшегося, особенно после издания указа 20 февраля 1803 г., на добрую волю помещиков по освобождению принадлежавших им крепостных крестьян. Все это в совокупности с нестабильностью на внешнеполитической арене и увеличением дефицита государственного бюджета обусловило положение, при котором множество проектов решения крестьянского вопроса оказались невостребованными.

¹ РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI, 1807. Д. 69. Л. 109.

² РГИА, Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI, 1807. Д. 69. Л. 110.

Список литературы

1. Долгих А.Н. Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII– первой четверти XIX века. Сборник документов. – Липецк, 2004.

2. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX веков : монография : в 2 т. Липецк, 2006.

3. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. : сб. документов и материалов : в 4 т. – Липецк, 2016.

Сведения об авторе

Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры истории России, Уральский федеральный университет. Екатеринбург, Россия. dmitrtim@yandex.ru

Magistra Vitae.

2017. No 2. P. 9–16.

THE WAYS TO SOLVE THE PROBLEM OF SERFDOM IN RUSSIA OF 1st QUARTER OF 19th CENTURY IN THE REFLECTION OF NON-NOBILITY PROJECTS AND RUMORS

D. V. Timofeev

Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences; Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. dmitrtim@yandex.ru

The paper provides a comparative analysis of the ways to solve the issue of serfdom in Russia of 1st quarter of 19th century. The author compares the project of Saint-Petersburg merchant A. Olkhin, the anonymous petition from the “poor serfs”, and the rumors of supposed liberation of serfs which were circulating across different parts of Russian Empire. That allows to demonstrate the main “scenarios” of abolition of personal dependence of serfs and the peculiarities of expectations of non-noble part of Russian society in the question of who could be the initiator of liberation and to which consequences could it lead. The author concludes that the ideas about the leading role of supreme power in the supposed liberation of serfs were quite common and that the merchants and industrialists were striving to commercialize the process of liberation to redistribute the workforce from the estate owners to the economically active social groups.

Keywords: *serfdom in Russia, merchants' projects of abolition of serfdom, rumors, freedom, property.*

References

1. Dolgih, A. N. (2004). Dvorjanskije proekty reshenija krest'janskogo voprosa v Rossii konca XVIII – pervoj chetverti XIX veka [Noble projects to solve the peasant question in Russia at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century]. Lipeck. (In Russ.).

2. Dolgih, A. N. (2006). Krest'janskij vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samoderzhavija v konce XVIII – pervoj chetverti XIX vv : v 2 t. [The peasant question in the domestic policy of the Russian autocracy in the late XVIII – first quarter of the XIX century in 2 vol.]. Lipeck. (In Russ.).

3. Krest'janskij vopros v Rossii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv. : v 4 t. (2016) [The peasant question in Russia at the end of the XVIII – the first half of the XIX century in 4 vol.]. Lipeck. (In Russ.).